

УДК 821.161.1.09

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЧЕЧЕНСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ А.БАБЧЕНКО «АЛХАН-ЮРТ»)**А.В.Бутенко****TIME AND SPACE AS ELEMENTS OF CHECHEN TEXT (BASED ON "ALKHAN-YURT" NOVEL BY A.BABCHENKO)****A.V.Butenko***Гуманитарный институт НовГУ, seedore@mail.ru*

Статья посвящена специфике хронотопа в военной прозе 2000-х гг., в частности, в повести А.Бабченко «Алхан-Юрт». Стремление таких авторов как А.Бабченко, И.Давлитов, З.Прилепин к документальной точности повествования и вместе с тем исповедальные черты, присущие «чеченскому тексту», создают особое время художественного произведения. Воспоминание как способ преодоления линейного времени, устремленного к гибели, в повести «Алхан-Юрт» окрашено идиллически и ярко контрастирует с динамичным «военным» хронотопом. Отрицание будущего и ирреальность прошлого в сознании главного героя приводят его к трагическому ощущению безвременья.

Ключевые слова: *время, пространство, хронотоп, военная проза 2000-х гг., А.Бабченко, «чеченский текст»*

The article is devoted to the specific military fiction chronotope of the 2000s, particular in the novel "Alkhan-Yurt" written by A.Babchenko. Contemporary authors such as A.Babchenko, I.Davlitov, Z.Prilepin aspire to documentary narration that they combine with confession traits. It is typical for *Chechen text* and it creates special time of military fiction. Remembrance is a way to overcome the linear time which is directed to the death. The idyllic memory of the hero contrast with dynamic "military" chronotope. There are the denial of the future and the unreality of the past in his consciousness therefore he senses the tragic timelessness.

Keywords: *time, space, chronotope, military fiction of the 2000-s, A.Babchenko, Chechen text*

Время и пространство определяют специфику войны, ведь она разворачивается в конкретный исторический период, на конкретной территории. Закономерно, что в военной прозе большое значение приобретает понятие хронотопа. Хронотоп как «слияние пространственных и временных примет», по определению М.Бахтина, характеризуется тем, что «время

здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1]. Таким образом, время в литературе *визуализируется* и может быть выражено через процессы (таяние, мерцание, плавление, колыхание, вращение), а пространство наделяется *динамикой*.

Время и пространство в художественном произведении отличаются от объективных времени и пространства, которые можно зафиксировать с помощью общепринятых единиц измерения. Эти категории в современной литературе имеют субъективно-перцептуальный модус, как пишет В.Кучеровская-Марцевая, «в результате чего становятся возможными такие их модификации, как расширение/сужение пространства и времени, отсутствие традиционной хронологии событий, ничем не опосредованный «перенос» повествователя из одной точки пространства в другую <...> Чем в большей степени художественное повествование обращено ко внутреннему миру персонажа, тем менее значимыми становятся объективные время и пространство» [2]. По замечанию Т.Фроловой, «основанием для определенного качества проживаемых дней, часов, минут становится сам герой» [3].

Справедливость этих тезисов подтверждает ряд текстов, относящихся к военной прозе 2000-х гг. Исследователь современной батальной прозы Д.Аристов назвал автобиографическое начало базовым элементом современной военной прозы [4]. Автобиографизм определяет тип повествования, который имеет черты репортажа (А.Бабченко, И.Давлитов, А.Карасев, З.Прилепин) и даже исповеди (А.Бабченко, И.Давлитов, Г.Садулаев). Показательно, что в сборнике повестей и рассказов А.Бабченко «Алхан-Юрт» [5] опубликованы фотографии из личного архива автора. В романе А.Проханова «Идущие в ночи» один из героев, находящихся в Грозном, — журналист, соответственно, и в этом тексте, насыщенном фирменными авторскими метафорами, присутствуют элементы репортажа: «сенсорные детали» (звуки, запахи, цвета), динамичность, «эффект присутствия».

Тяготение художественного текста к жанру репортажа объясняет господство настоящего времени: действие предстает как разворачивающееся. Так, в повести И.Давлитова «Чеченская пыль» явно преобладают глаголы несовершенного вида, передающие длящуюся процессуальность. Кроме того, сама ситуация войны предполагает, что ее участник живет сегодняшним днем, ведь завтра для него может просто не наступить. Однако героя современной военной прозы отличает то, что он вообще не думает о будущем, он не видит себя в нем и не строит никаких планов (исключение — главный герой романа В.Маканина «Асан», который мечтает о доме на берегу большой русской реки). Если же герой-рассказчик передает события в ретроспективе, читатель почти ничего не узнает о его послевоенной жизни. На войне происходит слом биографического времени — в сознании героя существуют только юность и старость, а между этими временными промежутками зияет пустота. Попадают на войну совсем молодыми, возвращаются стариками: «В восемнадцать лет я был кинут в тебя наивным щенком и был убит на тебе. И воскрес уже столетним стариком, больным, с нарушенным иммунитетом, пустыми глазами и выжженной душой», — читаем в журнальном варианте повести А.Бабченко «Алхан-Юрт» [6]. Или у Г.Садулаева в

романе «Шалинский рейд»: «У меня снова болит сердце. Мне стыдно, но что поделать, я такая развалина! Больное сердце, позвоночник, голова, желудок не переваривает пищу, половины зубов нет. А мне не стукнуло еще и сорока лет» [7]. Отрицание будущего — еще одно подтверждение ошибочности, бессмысленности войны.

Для главного героя повести «Алхан-Юрт» свиста Артема нет не только будущего, но и прошлого, которое теперь, на войне, кажется ирреальным. Артем вместе со своим взводом оказывается в засаде под селом Алхан-Юрт, где скрываются боевики Басаева. Взвод занимает позицию на поляне: с трех сторон их окружает лес, впереди — болото. Артем признается своему сослуживцу: «Понимаешь, все это так далеко, так нереально. Дом, пиво, женщины, мир. <...> Реальна только война и это болото. Я ж тебе говорю, мне здесь нравится. Мне здесь интересно. Я здесь свободен» [5, с. 30]. Однако ночью, при свете луны, Артем замечает, что все вокруг преобразается: и он сам, и болото, и Чечня, как и все другие далекие уголки мира, становятся призрачными, нереальными. Сложно дать логичное объяснение тому, что Артем оказался здесь, ведь он кровно не связан ни с этими людьми, ни с этой землей. Его личное присутствие в Чечне ощутимо не сказывается на «нормальной жизни» в «большой России». Поэтому реальность войны, которую Артем утверждал еще днем, ночью кажется сомнительной. Получается, что войны как бы нет, но и мира, той самой «нормальной жизни» для Артема, тоже больше не существует. Артем пребывает в некоем безвременье. В этом герой А.Бабченко схож с главным героем романа Г.Садулаева «Шалинский рейд»: Тамерлан, уроженец села Шали и выпускник Петербургского университета, так же теряется во времени и пространстве. Вообще, слово ирреальный (или нереальный) характерно для Чеченского текста. Так, можно вспомнить «ирреальный Грозный» в прозе А.Проханова [8] и в репортажных заметках французского писателя и журналиста Д.Литтелла [9].

Возвращаясь к повести «Алхан-Юрт», нужно пояснить, что болото у А.Бабченко не просто участок ландшафта, это и развернутая метафора войны, и символ «дна жизни», хуже которого быть уже не может (в экспозиции повести Артем страдал от грязи и дождя, теперь грязь трансформировалась в болото). Время и пространство сливаются здесь воедино: «Всего лишь одни сутки, может, чуть больше, провели они на этом болоте, а эти сутки заслонили собой половину жизни, такими они были долгими, нестерпимо нескончаемыми. И вспомнить, что было раньше, в той, мирной, жизни, теперь было сложно — та жизнь заплывала, затерлась этим болотом, которое по все тому же непонятному логическому закону вдруг стало очень важным, настолько важным, что, кажется, все самые значимые события произошли здесь, на этом болоте, где он провел половину жизни, растянув минуты в года, забив этими минутами память, заслонив ими все неважное, несущественное, что было до того, позабыв ту жизнь и потеряв интерес к ней» [5, с. 48]. Неслучайно, что бойцы за неимением лучшего

пьют «мертвую» болотную воду — война изнутри меняет каждого.

Хронотоп «болота» семантически близок к хронотопу «пепелища», о чем писала И.Спиридонова, исследуя ландшафт в военных рассказах А.Платонова: «Хронотоп “пепелища” выходит за временные и пространственные границы основного сюжетного действия, <он> охватывает не одну судьбу, но пространство народной жизни, не только военное время, но и непоправимые последствия войны для будущего» [10]. В повести А.Бабченко болото является символом того, что российские войска «увязли» в войне, а ее рядовые участники, такие как Артем, словно потеряли все, чем жили в прошлом.

В восприятии героя ход времени значительно замедляется в эпизоде обстрела, когда Артем попадает в ту же критическую ситуацию, что и Андрей Болконский: он видит, как летит мина, понимает, что смерть неминуема, но, в отличие от героя романа «Война и мир», остается цел. Не думать, а действовать, отскочить, вжаться в землю — Артем спасается благодаря инстинкту: «Артем вскочил и с горловым воем, перемешав в нем и крик, и страх, и в печенку всех святых, выпучив глаза, ничего не видя, кроме ямки, ринулся туда и, поскользнувшись на сырой траве и перебирая по земле руками и ногами, влетел, скатился в ямку и замер в ожидании близкого разрыва, уткнувшись лицом в коровью лепешку...» [5, с. 66]. Трудно представить в этом положении Болконского, а вот Артем не чувствует ни досады, ни безразличия. Казалось бы, действовать сообразно инстинктам, отбросить рефлексию — верная модель поведения на войне. Однако правильным представляется замечание критика А.Рудалева, который написал про трагедию героя повести «Алхан-Юрт»: «Человек подчиняется инстинктам, и они формируют вокруг него пелену миражей» [11]. Ведь чтобы выжить, нужно обмануть свое Я. Так, бойцы убеждают себя, что они сыты, когда они голодны, верят, что стреляют во врага, когда палат по пустым домам. Да и та самая мина, которая, как *казалось* Артему, должна была его убить, в действительности пролетела далеко и не могла его задеть.

Итак, Артем выжил. Когда стрельба прекратилась, пехотный взводный, отряхиваясь, сказал, что у него сегодня день рождения, и тут наступил важный момент: Артем рассмеялся. Это был «очистительный смех», который впервые как бы вытянул его из «болота», пробудил воспоминания о мирной жизни. Он вспомнил, что сегодня пятое января (единственное указание точного календарного времени в тексте) и у его любимой женщины Ольги сегодня тоже день рождения. Только *там* сейчас — цветы и вкусная еда, а здесь, на болоте, — смерть и коровьи лепешки. Контраст очевиден, но у этих разных предметных рядов еще есть точки пересечения — хотя бы в дате (пятое января). Артема еще что-то связывает с жизнью, хотя скоро он снова погружается в привычный и тяжелый военный быт: едет на поиски батальонной водовозки. «Опять это унылое слякотное поле, опять колея, чавканье гусениц по жиже, опять дождь. Брызги грязи опять вылетают из-под гусениц, шлепаются на бро-

ню, попадают в лицо. А бушлат так и не просушен, и сапоги совсем сырые. Уже который месяц. И уже который месяц грязное все. И опять холод. Этот вечный холод, как он достал, сука, хоть денечек бы пожить в тепле, прогреть кости. И есть охота. Они жмутся, закуривая, кутаясь в воротники. Опять поворот, федеральная трасса, “Русские — свиньи”... Как же задолбал-то все, как домой-то охота!» [5, с. 70].

В другой раз Артем вспоминает об Ольге в финале повести, когда узнает о невольном убийстве ребенка и старика. К трагедии привело то, что, как и в эпизоде с миной, Артем поддался страху: ему *показалось*, что в окне дома мелькнула тень боевика, и он дал команду стрелять. Как потом выяснилось, в доме находились только старик и восьмилетняя девочка. «В том окне никого не было, это стало ясно после первых очередей. Чехи куснули и отскочили. Но комбат все же приказал бэтэрам расстрелять село. Потому что боялся и хотел купить свою жизнь жизнями других. И они охотно выполнили этот приказ. Потому что тоже боялись. Но если бы Артем не заорал: “Вот он!”, комбат приказал бы расстрелять село на минуту позже, и девочка с дедом успели бы спрятаться в подвал» [5, с. 79]. Артем чувствует себя виноватым и понимает, что это чувство останется с ним навсегда. И когда он вернется домой, и когда встретится с Ольгой, он будет считать себя убийцей. Осознание неправимой ошибки становится той пограничной ситуацией, которая приводит героя к метафизической смерти. В тексте это выражено так: «Он снял автомат с предохранителя, передернул затвор и вставил ствол в рот... Дождь кончился. Утром они покидали это поле. <...> А поле это ему не забыть никогда. Умер он здесь. Человек в нем умер, скончался вместе с надеждой в Назрани. И родился солдат. Хороший солдат — пустой и бездумный, с холодом внутри и ненавистью на весь мир. Без прошлого и будущего» [5, с. 81].

Прошлое, память, воспоминание — важные элементы чеченского текста. Именно прошлое, а не будущее, которое как бы отсутствует для героя, нравственно поддерживает его, очеловечивает враждебный мир. Воспоминание, по определению Т.Фроловой, — «один из способов преодоления линейного времени, направленного в смерть» [3, с. 252]. Воспоминание, всегда связанное с определенным временем и пространством, образует яркий контраст с «военным» хронотопом. Если использовать терминологию М.Бахтина, можно сказать, что воспоминание (воспоминание о довоенной жизни) имеет форму идиллического хронотопа, который вплетается в основное событийное время произведения.

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 235.
2. Кучеровская-Марцева В.И. Пространственно-временная организация романа Антонио Табуки «Тристан умирает» // Вестник Полоцкого государственного университета. 2012. № 2. С. 54.
3. Фролова Т. Искусственность и искусство: о метафорах времени и пространства в современной прозе // Текст и традиция: Альманах в 2 т. / Под общ. ред. Е.Г.Водолазкиной. СПб: Росток, 2013. Т. 1. С. 250.

4. Аристов Д.В. «Окопная правда» — вчера и сегодня // Филологический класс. 2010. № 23. С. 30-35.
5. Бабченко А. Алхан-Юрт. М.: Яуза, 2006. 480 с.
6. Бабченко А. Алхан-Юрт // Новый мир. 2002. № 2. С. 24.
7. Садулаев Г. Шалинский рейд [Электр. ресурс] // Знамя. 2010. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html> (дата обращения 05.11.2015).
8. Проханов А. Идущие в ночи / Вознесение. Лучшие военные романы. М.: Эксмо, 2012. С. 201.
9. Литтелл Д. Чечня. Год третий / Пер. с фр. Б.Скуратова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 38.
10. Спиридонова И.А. Ландшафт в военных рассказах А.Платонова // Русская речь. 2006. № 1. С. 29.
11. Рудалев А. Обыкновенная война. Проза о чеченской кампании [Электр. ресурс] // Дружба народов. 2006. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/5/ru14.html> (дата обращения 05.11.2015).
3. Frolova T. [The artificiality and art: the metaphors of space and time in contemporary prose]. *Tekst i tradicija*, 2013, vol. 1, p. 250.
4. Aristov D.V. [The trench truth — yesterday and today]. *Filologicheskij klass*, 2010, no. 23, pp. 30-35.
5. Babchenko A. *Alkhan-Yurt* [The Alkhan-Yurt]. Moscow, Jauza Publ., 2006. 480 p.
6. Babchenko A. *Alkhan-Yurt* [The Alkhan-Yurt]. *Novyj mir*, 2002, no. 2, p. 24.
7. Sadulaev G. *Shalinskij rejz* [The Shali raid]. *Znamja*, 2010, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html> (accessed 05.11.2015).
8. Prokhanov A. *Idushhie v nochi* [Those marching through the night]. Moscow, Jeksmo Publ., 2012, p. 201.
9. Littell D. *Chechnja. God tretij* [Chechnya. The third year]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012, p. 38.
10. Spiridonova I.A. *Landshaft v voennyh rasskazah A.Platonova* [The landscape in the war in stories of A.Platonov]. *Russkaja rech'*, 2006, no. 1, p. 29.
11. Rudalev A. *Obyknovennaja vojna. Proza o chechenskoj kampanii* [The ordinary war. The prose about Chechen campaign]. *Druzhba narodov*, 2006, no. 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/5/ru14.html> (accessed 05.11.2015).

References

1. Bakhtin M.M. [The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. Moscow, *Hudozhestvennaja literature Publ.*, 1975, p. 235.
2. Kuchеровskaja-Marceva V.I. [Spatiotemporal organisation of the novel "Tristano dies" by Antonio Tabucchi]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 2, p. 54.